

ОТЗЫВ

официального оппонента **Таньшиной Наталии Петровны** о диссертации
Постниковой Алёны Александровны на тему «Русская кампания
Наполеона: история “европейского мифа”», представленной на соискание
ученой степени доктора исторических наук по специальности
5.6.2. Всеобщая история

Актуальность темы диссертационного исследования. Диссертационное исследование А.А. Постниковой посвящено научной проблеме, теоретическая, научная и практическая значимость которой не вызывает сомнений. Работа выполнена в рамках одного из наиболее активно и интенсивно развивающихся направлений исторической науки, а именно в русле проблематики исторической памяти. Каждый исследователь в той или иной степени касается этих сюжетов. И это связано не просто с определенной исторической «модой», а, прежде всего, с потенциалом исследований такого рода и с выходом на важнейшие проблемы, а также с тем, что сам процесс изучения исторической памяти является необыкновенно увлекательным и интересным. Показательно, что в Екатеринбурге сложилось целое направление по изучению проблематики исторической памяти, и работа А.А. Постниковой является подтверждением высокого научного уровня трудов екатеринбургских исследователей. Все это определяет несомненную актуальность диссертационного исследования А.А. Постниковой.

История Отечественной войны 1812 г. занимает особое место не просто в отечественной историографии, но в национальной истории и исторической памяти, являясь одним из системообразующих исторических событий. Поэтому обращение к этой теме является, несомненно, важным и актуальным. Но если проблематика Отечественной войны 1812 г., в том числе сквозь призму исторической памяти, является весьма изученной, то история Русской кампании Наполеона, то есть взгляд с европейской стороны, как и память об этом событии, в отечественной науке являются недостаточно разработанными темами. Эту исследовательскую лакуну заполняет диссертация А.А. Постниковой, имеющая, безусловно, **новаторский характер** и решающая важную в научном плане проблему. А.А. Постниковой проведен комплексный анализ процесса формирования исторической памяти европейцев о Русской кампании Наполеона. Кроме

того, исследователем выявлены особенности трансформации индивидуальной памяти в социальный и государственный нарратив европейских наций, а также предложены «идеальные модели» трансформации исторической памяти о Русской кампании (с. 28).

В диссертационных работах уже давно стало общим местом заявлять об их междисциплинарном характере, поскольку современное научное исследование высокого уровня не может не быть междисциплинарным. Однако на деле все порой обстоит несколько прозаичнее, да и былые надежды на междисциплинарность оправдались далеко не в полной мере. Применимо к диссертации А.А. Постниковой междисциплинарный подход – это основа исследования, выполненного на стыке двух больших областей исторического знания: военно-исторической антропологии и исторической памяти о войне 1812 г., или Русской кампании.

Оценка проведенного исследования и полученных результатов

Структура исследования является весьма продуманной, стройной, логичной и позволяет всесторонне раскрыть изучаемую тему и решить заявленные во введении задачи. Исследование состоит из введения, пяти глав, расположенных по проблемному принципу, заключения, списка использованных источников и литературы.

Раздел введения выполнен на высоком научном и профессиональном уровне и свидетельствует о глубоком уровне теоретической подготовки исследователя. Во введении четко и аргументированно сформулированы цель, задачи исследования, его географические и территориальные рамки, а также представлен всесторонний анализ источниковой базы и историографии проблемы.

Цель работы сформулирована весьма убедительно и заключается в выявлении особенностей формирования образа Русской кампании в европейских мемориальных практиках (с. 11).

Объектом исследования является Отечественная война 1812 г., рассматриваемая в европейской традиции как Русская кампания Наполеона, и это совершенно справедливо оговаривается автором (с. 6). В качестве предмета исследования выступает процесс формирования образа войны 1812 г. в европейских мемориальных практиках. На мой взгляд, в этом случае как раз уместнее использовать термин «Русская кампания», поскольку речь идет о взгляде из Европы.

Что касается исследовательских задач, то их сформулировано девять. Все они являются весьма четкими, не вызывают возражений, однако являются, на мой взгляд, чрезмерно детализированными. Логика исследования предполагает, что каждая исследовательская задача решается в

рамках структурного раздела диссертации, то есть главы. Поскольку глав пять, вполне логично было бы сформулировать задачи, исходя из структуры работы. От этого, на мой взгляд, работа бы только выиграла и стала бы более выверенной в плане соотношения структуры и исследовательских задач.

Решить поставленные исследовательские задачи позволяет обширная исследовательская база. Исходя из цели и задач, основной группой источников стали разноплановые источники, прежде всего неофициального происхождения.

Несомненным достоинством работы является введение в научный оборот корпуса архивных документов. При анализе писем и дневников участников войны 1812 г. диссертантом были использованы материалы из фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Национального архива Франции, Архива исторической службы Министерства обороны Франции, Национального архива Великобритании.

Помимо использования писем и дневников, автором активно вводятся в научный оборот мемуары участников Русской кампании, написанные уже после завершения кампании и содержащие рефлексию о прошедших событиях. Использование этой группы источников позволило А.А. Постниковой проследить трансформацию взгляда на Русскую кампанию и трансформацию самого образа кампании в представлениях ее участников.

Анализируя мемуары участников Русской кампании из разных стран, А.А. Постникова приходит к обоснованному выводу о том, что французские, швейцарские и польские солдаты стремились, прежде всего, к созданию героической легенды об участии своих соотечественников в этом масштабном событии. Кроме того, диссертант делает важный вывод о том, что ценность мемуаров заключается, прежде всего, в том, что они отражают механизм формирования исторической памяти.

Создать панорамную картину исследуемых событий А.А. Постниковой помогло привлечение не только мемуарных и эпистолярных источников. Автор широко использует в качестве источников произведения изобразительного искусства (карикатуры), а также печать, беллетристику, художественную литературу и произведения киноискусства. Изучение этих источников позволяет проследить трансформацию исторической памяти в художественных образах и символах.

Автор продемонстрировала глубокое знание историографии темы, умело и критически используя достижения своих предшественников, работ

как отечественных, так и зарубежных исследователей, подробный и добросовестный анализ которых представлен во введении.

Исследование выполнено в рамках междисциплинарного синтеза с опорой на подходы, наработанные в сфере таких направлений, как история и политика памяти, интеллектуальная история, герменевтика. Из общенаучных методов я бы отдельно выделила компаративистику, поскольку именно в этом заключается одна из важнейших задач и одно из главных научных достижений диссертанта: провести сравнительный анализ подходов, сформировавшихся в рамках разных национальных традиций и школ.

Исследование, как уже отмечалось, состоит из пяти глав, в которых последовательно освещаются проблемы памяти о Русской кампании в разных странах и в рамках различных национальных традиций. Такой сравнительный подход представляется весьма успешным для реализации поставленных исследовательских задач.

Первая глава диссертационного исследования А.А. Постниковой, состоящая из двух параграфов, носит теоретический характер и посвящена проблемам методологии и историографии. Анализируя национальные историографические традиции, А.А. Постникова приходит к обоснованному выводу, что, в значительной степени, только британские и немецкие исследователи обращались к феномену «транснациональной» памяти и к проблеме соотношения «триумфа» и «трагедии» в национальных нарративах. Что касается французских исследований в области изучения исторической памяти, то, как отмечает диссертант, авторы продолжают руководствоваться концепцией П. Нора. Таковую «национальную замкнутость» А.А. Постникова с основанием считает одной из причин, препятствующих «методологическому и историографическому осмыслению траекторий формирования нарративов памяти» (с. 58–59).

Глава вторая называется «Русская кампания: рождение «французского мифа»» и посвящена становлениям представлений о Русской кампании солдат и офицеров Великой армии, начиная от первых дней Русской кампании и до отступления Великой армии из России и осмыслению этого опыта на страницах мемуаров участников. Как обоснованно утверждает А.А. Постникова, несмотря на то, что единой мемориальной европейской версии Русской кампании Наполеона на сегодняшний день не существует, главными потенциальными носителями единой европейской памяти тогда, в 1812 г., были солдаты армии Наполеона (с. 59–60).

Главный вывод автора сводится к тому, что современники событий оказались едины в своем желании оставить в истории образ моральной или даже военно-стратегической победы Великой армии в России. Как

справедливо отмечает А.А. Постникова, «многие сюжеты, связанные с личным опытом французских солдат, оказались забыты и стерты из национальной памяти, уступив это пространство коллективным образам, история которых продолжит развиваться далее в научном и политическом пространстве Франции» (с. 195).

Глава третья диссертации посвящена исторической памяти о Русской кампании Наполеона во Франции на протяжении XIX–XXI столетий. Автор убедительно показала, что, как и в случае с самим Наполеоном Бонапартом, французы, говоря словами Виктора Гюго, продолжают то показывать, то прятать Наполеона, используя его наследие исходя из конкретной ситуации. То же самое можно сказать и о Русской кампании. В XX веке, особенно после Второй мировой войны, как справедливо отмечает А.А. Постникова, Русская кампания стала восприниматься как военно-стратегическая и «моральная» победа французской нации.

В целом же, как обоснованно отмечает диссертант, развитие исторической памяти о Русской кампании во Франции стало своего рода естественным процессом преодоления обществом «травматического прошлого» и является неким «идеальным образцом» формирования национальной идентичности (с. 372).

В центре **четвертой главы** исследования — образ Русской кампании в представлениях европейских союзников Наполеона: швейцарцев, немцев, поляков и итальянцев. А.А. Постникова приходит к обоснованному выводу, что швейцарская версия продемонстрировала естественный процесс «конденсации памяти» под воздействием ряда факторов: мемуарной традиции, политической и научной изолированности этой страны, предопределившей устойчивость «героического мифа». Несмотря на то, что швейцарские солдаты отстаивали честь чужой для них страны, война по прошествии времени стала частью их собственной истории, а образ Наполеона оставался источником вдохновения (с. 372).

Что касается польской историографии, то диссертант справедливо отмечает, что долгие годы она находилась под воздействием французской литературы, а историки занимались прославлением действий Наполеона в России. В целом, как верно отмечает автор диссертации, для поляков и швейцарцев образ Наполеона на протяжении двух столетий был важным элементом процесса формирования национальной идентичности, что предопределило конструирование единого героического нарратива (с. 373).

Относительно развития немецкой и итальянской национальных традиций А.А. Постникова приходит к аргументированному выводу о том, что немцы и итальянцы, со временем утратив эмоциональную связь с

историей тех событий, представляли войну 1812 г. исключительно как трагедию (с. 373).

Пятая глава исследования посвящена «британскому мифу» Русской кампании Наполеона, от есть представлениям противников Франции.

Диссертант приходит к обоснованному выводу о том, что представления Лондона о Русской кампании 1812 г. трансформировались под влиянием результатов военных действий. Если в самом начале войны британское правительство проявляло недоверие к Александру I, будучи не уверенным в серьезных намерениях России довести войну с Францией до победного конца, то впоследствии британское правительство, стремясь сохранить и упрочить русско-английский союз, изменило свое отношение. Однако, как справедливо отмечает А.А. Постникова, значительная часть политических кругов Лондона в лице парламентариев продолжала сохранять скептицизм по отношению к России, не соглашаясь на предоставление ей какой бы то ни было помощи со стороны Британии, а основными факторами победы России в представлении британцев стали не военные успехи, а «мороз» и «русский мужик» (с. 368). В результате, как убедительно показала А.А. Постникова, образ Наполеона был «переформатирован» из неприятеля в героя, а представления о России и о причинах поражения французов остались в «ловушке» изначальных стереотипов (с. 374).

В **заключении** диссертационного исследования А.А. Постниковой сделаны продуманные, аргументированные, самостоятельные выводы, существенно расширяющие представления об изучаемых вопросах и являющиеся важным вкладом в развитие исторической науки.

Один из основных выводов сводится к тому, что если во время войны солдаты под воздействием официальной пропаганды создали на страницах писем и дневников такой героический нарратив, согласно которому все понесенные жертвы казались оправданными, а «коллективная иллюзия» одержанных побед объединяла солдат перед лицом опасности, то спустя годы большинство участников представили на страницах мемуаров, главным образом, трагический образ Русской кампании.

Как справедливо отмечает А.А. Постникова, именно участники кампании создали противоречивую картину событий 1812 года, сформировав многовекторную траекторию развития памяти, балансирующей между «коллективной героической иллюзией» и критикой Наполеона в европейской мемориальной традиции. Что касается сюжета, объединяющего национальные версии, то таковой А.А. Постникова находит один: образ отступления Великой армии как «моральной победы».

Диссертант справедливо отмечает, что важным этапом эволюции образов Русской кампании как военно-стратегической и «моральной» победы французской нации стал XX век, когда усилия всех акторов были объединены с целью консолидации общества вокруг героического прошлого ради «преодоления травмы» Второй мировой войны. Что касается современного этапа, то нельзя не согласиться с утверждением А.А. Постниковой о том, что на современном этапе образ Русской кампании вновь раскололся под воздействием процесса «переформатирования» памяти. Поэтому если в XIX столетии «Березина» являлась символом неудач имперской политики, то в XXI веке она перевоплотилась в метафору катастрофических последствий политики мультикультурализма и европейской интеграции. В целом же, заключает А.А. Постникова, для общества характерен феномен переплетения «памяти-славы» с «памятью-поражением» (с. 372).

Научная новизна диссертации заключается в постановке проблемы, ее комплексном исследовании, введении в научный оборот новых документов, формулировании выводов, способствующих приращению знаний.

Достоверность научных положений и выводов обеспечена адекватной методологической основой, максимально возможным объемом источниковой базы и критическим подходом к разноплановым источникам, глубокой проработкой отечественной и зарубежной историографии. Солидная источниковая база, корпус исторических работ, положенных в основу исследования, комплекс заявленных методов представляются вполне достаточным для достижения поставленной цели и задач исследования, что позволило А.А. Постниковой добиться объективности и доказательности выводов.

Практическая значимость работы многогранна. Результаты исследования могут быть использованы при написании научных статей и монографий, чтении курсов по истории России и зарубежных стран, международных отношений, спецкурсов по проблематике исторической памяти, интеллектуальной истории.

Замечания по диссертации

Несмотря на огромный объем проделанной работы, высокий уровень оценки диссертации, ее, безусловно, новаторский и заверченный характер, диссертационное исследование А.А. Постниковой не свободно от некоторых недостатков.

1. А.А. Постникова продемонстрировала глубокое знание методологических вопросов и подходов, сформировавшихся в исторической науке. Однако некоторые формулировки, как представляется, нуждаются в уточнении. Так, на с. 11. диссертант утверждает, что «методология и методы диссертационного исследования предопределены результатами широких методологических дискуссий, имевших место в последние десятилетия» (с. 11). На мой взгляд, методологию работы определяют исследовательские задачи и логика самой работы, но вовсе не дискуссии, происходящие в научном поле, или «модные» или «немодные методы».
2. Говоря о современных подходах и достижениях «последних десятилетий» (с. 11), А.А. Постникова апеллирует к Школе Анналов, отмечая, что «наиболее последовательные методологические подходы в рамках междисциплинарных подходов применительно к ментальным структурам предложила французская школа “Анналов”» (с. 12). Между тем, Школа Анналов, которая скоро уже отметит свое столетие, никак не может считаться каким-то новшеством. Кроме того, применимо к французской историографической традиции можно говорить, скорее, о забвении Школы Анналов, нежели о ее популярности и востребованности.
3. Однако слова Марка Блока о том, что для историков важно договориться о терминах не потеряли своей актуальности и сейчас. На с. 15, говоря о термине «политика памяти», А.А. Постникова отмечает: «В контексте данного исследования под термином политика памяти мы понимаем целенаправленный процесс конструирования образа прошлого со стороны мнемонических акторов», и дается ссылка на А.И. Миллера. Возникает вопрос, как сам автор диссертации понимает термин «мнемонические акторы»? Кем конструируется историческая память? Хотелось бы иметь четкий ответ на этот вопрос.
4. Аналогичное замечание касается использования такого термина, как «конденсация». А.А. Постникова неоднократно применяет этот термин в разных интерпретациях, в частности, в положениях, выносимых на защиту: «конденсация образов», «конденсация памяти». На мой взгляд, чтобы не было разночтений и непонимания, что и насколько уплотнилось и сгустилось, представляется целесообразным дать авторскую интерпретацию этого термина применимо к гуманитарным наукам.

5. Возникает сомнение относительно использования термина «розовая легенда» Наполеона Бонапарта (с. 4), которая противопоставляется «черной легенде». Традиционно в историографии используются термины «черная легенда» и «золотая легенда» (*la légende dorée*), миф и антимиф. Именно термин «золотая легенда», не «розовая», используется ведущими французскими наполеоведами: Тьерри Ленцем, Жаном Тюларом, Пьером Бранда, Артуром Шевалье, Давидом Шантераном, Ксавье Модюи и другими. Единственный случай, когда используется прилагательное «розовый», это легенда об олеандре (*le Laurier-rose*), которым, якобы, отравились солдаты французской армии в Испании в 1808 г.
6. Следующее замечание связано, собственно, с положениями, выносимыми на защиту. Их восемнадцать и, на мой взгляд, это слишком много, тем более, что порой это, скорее, не положения, требующие защиты, а тезисные, лаконичные выводы. Но некоторые из них вызывают сомнения, в частности, положение 16, которое звучит следующим образом: «Образы прошлого в разных национальных традициях подчинялись своим собственным, особым механизмам трансформации, что, по нашему убеждению, исключает возможность использования какого-либо универсального методологического инструментария» (с. 32). Этот тезис диссертантом повторяется и в выводах (с. 375). Однако, если, как отмечает А.А. Постникова, нет универсального инструментария для изучения разных национальных традиций, не возникает ли некое противоречие, поскольку все эти национальные традиции анализируются диссертантом в рамках одного диссертационного исследования? Поэтому такая формулировка, на мой взгляд, нуждается в уточнении.
7. На с. 5 А.А. Постникова отмечает, что в центре ее исследования «находится образ (образы) русской кампании Наполеона, ставшей поражением для европейцев, но все же сыгравшей одну из решающих ролей в формировании национальной идентичности многих наций». Наполеоновские войны, как и Французская революция, их породившая, безусловно, стали важнейшим фактором формирования национальной идентичности. Но с чем связано утверждение автора диссертации, что такую роль сыграла именно Русская кампания? Почему именно она из всего 15-летия войн способствовала формированию национальной идентичности? На мой взгляд, такое утверждение требует дополнительной аргументации.

8. Источниковая база исследования весьма обширна и многопланова и не вызывает нареканий. Однако возникают сомнения в связи с некоторыми формулировками. Так, на с. 18 А.А. Постникова отмечает, что ее диссертационное исследование основано, «главным образом, на документах иностранного происхождения». В классификации источников нет такой группы документов. Логичнее было бы следовать классическому пути, разделив источники на опубликованные и неопубликованные, официального и неофициального происхождения.
9. Кроме того, говоря о степени достоверности работы, А.А. Постникова отмечает, что «автор использовала все существующие на данный момент опубликованные и неопубликованные исторические источники по теме диссертации» (с. 33). Вне всякого сомнения, уверенность, — это важнейшее качество исследователя, но, когда речь идет о таком временном и географическом диапазоне, на мой взгляд, просто невозможно охватить абсолютно все источники и историографию (тем более, в списке литературы представлено 82 наименования — не так уж и много для докторской диссертации). Например, А.А. Постникова в списке литературы упоминает статью А.В. Чудинова, опубликованную в издании «Французский ежегодник». Но, между тем, два выпуска «Французского ежегодника» за 2012 г. были посвящены Войне 1812 г. и проблемам памяти, поэтому их обязательно нужно было указать в списке использованной литературы, а не только, несомненно, важную статью А.В. Чудинова.

Указанные замечания носят рекомендательный характер и не влияют на общую высокую оценку диссертационного исследования.

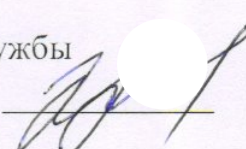
Основные положения диссертации отражены в 38 публикациях, в том числе в 17 статьях из перечня ВАК, в 3 монографиях (2 – в соавторстве). Диссертация А.А. Плотниковой прошла апробацию в ходе многочисленных научных конференций, включая международные, и ее основные положения хорошо известны научной общественности. Кроме того, материалы диссертации были апробированы в ходе реализации учебных курсов «Историческая память и историческая политика» и «Новая история зарубежных стран» в УрГПУ в 2013–2021 гг. Содержание автореферата отражает основные положения и выводы диссертации.

Общий вывод

Представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук диссертация А.А. Постниковой является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное научное, общественное и практическое значение. Диссертация А.А. Постниковой «Русская кампания Наполеона: история “европейского мифа”» соответствует п. 9 Положения о присуждении ученых степеней УрФУ, является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей важное значение для развития исторической науки. В диссертационном исследовании решена научная проблема, имеющая существенное политическое и культурное значение, а ее автор Постникова Алёна Александровна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры всеобщей истории Института
общественных наук

ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»


Н.П. Таньшина

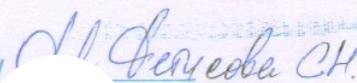
119571, Российская Федерация, г. Москва,
пр. Вернадского, д. 82, стр. 3
тел.: 8 (495) 433-25-62
e-mail: ion@ranepa.ru

« 16 » марта 2022 г.

Подпись Таньшиной Н.П. заверяю.

Менеджер
по персоналу

Управляющий
персоналом


Фетисова С.И.